

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Фантазмагории в бременском винном погребке. Осенний подарок друзьям вина, стр. 6

окончательно стереть благородные черты ее красивого лица. Брови у нее, правда, поседели, и на заострившемся подбородке нахально вылезло несколько седых волосков, но приглаженные волосы, красиво окаймлявшие лоб, были каштанового цвета, и только кое-где в них серебрилась седина. Черная бархатная шапочка тесно прилегала к вискам, под стать шапочке была душегрейка из тонкого черного сукна, а из-под нее выглядывал корсаж красного бархата с серебряными крючочками и шнуровкой. На шее блестело широкое гранатовое ожерелье, а на нем висела золотая медаль, пышная юбка коричневого сукна охватывала ее дородное тело, а крошечный белый передничек, отделанный тонким кружевом, глядел плутовато. С одной стороны передничка висела большая кожаная сумка, с другой – связка огромных ключей, словом, Роза была вполне под стать тем почтенным матронам, что анно 1618 гуляли по улицам Кельна или Майнца.

А следом за Розой вошли, размахивая треуголками, еще шесть веселых кумпанов в кое-как надетых на голову париках, в долгополых кафтанах и длинных, богато затканых камзолах.

Уважительно, с должной благопристойностью повел Бахус при общем ликовании свою даму к столу. Она, как то приличествует, поклонилась всей компании и опустилась на стул, рядом с ней сел деревянный Бахус, а Валтасар, сторож при погребке, подсунил под него толстую подушку, иначе Бахусу было бы слишком низко сидеть. И последние шесть собутыльников тоже сели за стол, и тогда я заметил, что здесь и вправду все двенадцать рейнских апостолов, которые обычно покоятся в бременском Апостольском подвале.

– Ну вот мы и собрались, – сказал Петр, когда ликование несколько приутихло, – вот мы и собрались, весь наш молодой веселый народ тысяча семисотого года, как всегда все в добром здравии. Ну, так за ваше здоровье, девица Роза, вы тоже не постарели, все такая же осанистая и красивая, как пятьдесят лет тому назад, за ваше здоровье, живите и здравствуйте, и ваш драгоценный дружок, господин Бахус, пусть тоже живет и здравствует!

– Да здравствует старая Роза, да здравствует! – воскликнули все, подняли бокалы и выпили. А господин Бахус, пивший из большой серебряной чаши, без труда осушил две кватры рейнского, и по мере того, как пил, он на глазах у всех вырастал и толстел, наподобие свиного пузыря, когда его надувают.

– Покорнейше благодарю, уважаемые господа апостолы и родственники, – ответила фрау Розалия, приветливо кланяясь. – Вы, я вижу, все такой же беспутный шутник, господин Петр! Я ни о каком драгоценном дружке ничего не знаю, и негоже так смущать благонравную девицу, – говоря так, она опустила очи долу и осушила бокал внушительного размера.

– Драгоценная моя подружка, – возразил Бахус, смотря на нее нежными глазками и беря ее за руку, – драгоценная моя, к чему так жеманиться? Ты же отлично знаешь, что мое сердце принадлежит тебе уже двухсотую осень и что среди всех остальных я привечаю тебя. Скажи, когда мы отпразднуем свадьбу?

– Ах вы, беспутный плутишка! – ответила старая дева и, покраснев, отвернулась от него. – С вами и четверти часа не просидишь, как вы уже пристаёте со своими амурами. Честной девушке и смотреть-то на вас зазорно. Что вы чуть не голышом по погребу бегаете? Могли бы на сегодняшнюю ночь позаимствовать у кого-нибудь штаны. Эй, Валсатар, – позвала она, развязывая свой белый передничек. – Повяжи господину Бахусу этот передник, уж очень у него непотребный вид!

– Розочка, если ты меня сейчас поцелуешь, – воскликнул настроенный на любовный лад Бахус, – я позволю повязать мне на живот эту тряпицу, хоть и вижу в этом злую обиду своему наряду, но чего не сделаешь ради прекрасной дамы!

Валтасар повязал ему передничек, и он нежно склонился к Розе.

– Ах, не будь здесь этой молодежи... – прошептала она, застыдившись и тоже склоняясь к нему.

И все же бог вина приобрел под общие разудалые и разгульные клики и вспомоществование в виде передничка, и желанные проценты. Затем, опять осушив свою чару, он раздулся на несколько пядей вширь и ввысь и запел хриплым голосом:

Ветшают нынче замки все,Прошло для замков время,И лишь один стоит в красе,Им славен город Бремен.Роскошеству его палатСам кайзер, верно, был бы рад.А в нише за решеткойКакая там красotka!Глаза что ясное вино,Пылают щеки ало,А платье! – не видал давноТакого матерьяла!Наряд из дуба у нее,Из тонкой бересты шитье,И зашнурован тугоЖелезною подпругой.Да вот беда, ее покойЗакрит замками прочно,А я хожу вокруг с мольбойПорою полуночнойИ у решетчатых дверейШепчу ей: «Отвори скорей,Чтоб нам с тобой обнятьсяИ всласть намиловаться».И так все ночи я без снаБрожу по подземелью,Но лишь однажды мне онаСвою открыла келью.Видать, я ей не угодил,Себе же – сердце занозил.Открой, святая Роза,И вытащи занозу!

– Вы шутник, господин Бахус, – сказала Роза, когда он закончил нежною трелью, – вы же знаете, что бургомистр и господа сенаторы держат меня в строгом затворничестве и не разрешают ни с кем амуриться.

– Но мне-то ты все-таки могла бы иногда отворить свою спаленку, любезная Розочка, – прошептал Бахус, – у меня охота вкусить от сладости твоего ротика.

– Вы плутишка, – смеясь, ответствовала она. – Вы турок и путаетесь со многими; думаете, я не знаю, как вы любезничаёте с ветреной француженкой, мамзель Бордосской, и с мамзель Шампанской, бледнолицой, как мел, да, да, у вас скверный нрав, вы не цените верную немецкую любовь.

– Правильно, я тоже так говорю! – воскликнул Иуда и потянулся длинной костлявой рукой к руке девицы Розы. – Я тоже так говорю, а по сему случаю возьмите меня в присяжные кавалеры, дражайшая, а этот голыш пусть за своей француженкой волочится.

– Что? – крикнул деревянный голыш и, разгневавшись, выпил несколько кварт вина. – Что? Розочка, ты хочешь связаться с этим юнцом тысяча семьсот двадцать шестого года рождения? Фи, стыдись; а что касается моего голого наряда, господин умник, так я не хуже вашей милости могу напаялить парик, надеть кафтан и прицепить шпагу, но я нарядился так потому, что в теле у меня пламень и я не мерзну в погребке. А то, что девица Роза о француженках говорит, так это чистейшая выдумка. Я к ним иногда хаживал и забавлялся их остроумием, вот и все; я верен тебе, драгоценная моя, и тебе принадлежит мое сердце.

– Нечего сказать, хороша верность! – возразила его дама. – Довольно того, что дошло до нас из Испании, какие у вас с тамошними дамами шашни. О слащавой потаскушке Херес и говорить не стоит, это всем известно, а что вы скажете о девицах Дентилья де Рота и о Сан-Лукар? Да еще о сеньоре Педро Хименес?

– Черт возьми, уж очень вы ревнивы! – рассердился он. – Нельзя окончательно порвать старые связи. А что касается сеньоры Педро Хименес, то здесь вы не правы. Я бываю у нее только из добрых чувств к вам, потому что она ваша родственница.

– Наша родственница? Что вы сказки рассказываете? – заговорили разом все двенадцать и Роза. – Каким это образом?

– Разве вам неведомо, что эта сеньора, в сущности говоря, родом с берегов Рейна. Почтенный дон Педро Хименес вывез ее еще совсем молоденькой лозой с берегов Рейна к себе на родину в Испанию, там она прижилась, и он усыновил ее. Еще и по сию пору, хотя она и приобрела сладостный испанский характер, еще и по сию пору она не утратила сходства с вами, ведь основные фамильные черты не стираются окончательно. У нее та же окраска, тот же аромат, что и у вас; и это делает ее вашей достойной родственницей, драгоценнейшая девица Роза.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– За здравие, за здравие гишпанской тетушки Хименес, – воскликнули апостолы и подняли кубки.

Девушка Роза, должно быть, не очень-то доверяла своему обожателю и подняла кубок с кисло-сладкой миной. Но, по-видимому, ей не хотелось продолжать дуться, и она начала разговор.

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) ... [14](#) >> [Дальше](#)